Кавказскій тетеревъ.

(Tetrao Mlokosyewiczii Tacz).

Осенью 1883 г., въ концѣ октября, поѣхалъ я на Кавказъ, съ цѣлью добыть сколько придется экземпляровъ кавказскаго тетерева и прослѣдить его жизнь, насколько позволитъ короткій срокъ наблюденій. Опредѣленнаго мѣста для моихъ экскурсій я не имѣлъ, да и не могъ имѣть потому, что указанія на мѣстонахожденіе кавказскаго тетерева, на сѣверномъ Кавказѣ, были самыя скудныя. Только г. Динникъ нѣсколько разъ дѣлалъ въ журналѣ «Природа и Охота» интересныя сообщенія о горномъ тетеревѣ и о его мѣстонахожденіи въ верховьяхъ Лабы и др., да изъ Нальчика (Терской обл.) я въ прошедшемъ году получилъ нѣсколько экземпляровъ этого тетерева—вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя я имѣлъ, отправляясь на Кавказъ.

Въ ноябрѣ отправиться въ горы, въ верховья Лабы, было почти невозможно, такъ какъ тамъ въ концѣ сентября выпадаетъ уже довольно значительный снѣгъ. Чтобы узнать—не встрѣчается-ли кавказскій тетеревъ гдѣ-нибудь поближе, чѣмъ верховья Лабы, я въ Ростовѣ на Дону справлялся у пассажировъ третьяго класса, т. е. черкесовъ и охотниковъ-промышленниковъ, и они мнѣ передали, что можно найдти тетеревей за Псебайской станицей и на Лысой горѣ, въ 30 верстахъ отъ Царской станицы.

На слѣдующій-же день я поѣхалъ по Кавказской жел. дорогѣ до станціи Армавиръ; отсюда я хотѣлъ-было прямо ѣхать въ Псебайскую станицу, но возчики не соглашались меня вести туда, а везли только до Лабинской. Дѣлать было нечего: приходилось поневолѣ подчиняться... Пріѣхавъ въ Лабинскую, гдѣ я предполагалъ пробыть только одни сутки, для отобранія болѣе точныхъ свѣдѣній объ интересовавшихъ меня тетеревахъ, я послалъ за мѣстными охотниками, и отъ нихъ, къ величайшему моему изумленію, услыхалъ, что осенью и зимою тетерева встрѣчаются въ степи, близъ Лабы и Чемлыка (притокъ Лабы), у Владимір-

ской и Засовской станицъ. Меня сообщеніе это удивило потому, что никто изъ писавшихъ и наблюдавшихъ кавказскаго тетерева никогда не высказывалъ, положительно, чтобы тетерева спускались съ горъ.

Поохотившись на Лабѣ нѣсколько дней на фазановъ, составлявшихъ для меня новость, я предпринялъ потомъ экскурсію по степи, близъ рѣкъ, за поисками тетеревей, но труды мои были напрасны. Тутъ мнѣ встрѣтился казакъ изъ Владимірской станицы, и на распросы мои сообщилъ, что за день до этого однимъ казакомъ той-же станицы убита была пара тетеревей, близъ Засовской станицы, на озимяхъ.

На основаніи этого свѣдѣнія, я на другой день, рано утромъ, отправился въ Засовскую станицу, гдѣ остановился у казака, Прокофія Овсянникова. Хозяина не было дома. Чтобы напрасно не терять время, я пошелъ посмотрѣть мѣстность, и въ лѣсу, по Лабѣ, наткнулся на массу фазановъ. По возвращеніи въ станицу, я нашелъ Овсянникова, который оказался охотникомъ, какъ и всѣ почти казаки Кубанской Области. Овсянниковъ передалъ мнѣ, что вотъ уже шесть лѣтъ, какъ тетеревей стало мало; прежде-же они появлялись въ лѣсу по Лабѣ, осенью и зимой, въ значительномъ количествѣ, такъ что стада въ 100 — 150 штукъ не были рѣдкостью; дальше онъ сказалъ мнѣ, что на ночь тетерева также закапывались въ снѣгъ, какъ это дѣлаетъ и обыкновенный тетеревъ въ Россіи, и въ большихъ стаяхъ бываютъ довольно осторожны. Тетеревъ, встрѣчающійся у нихъ, весь черный, съ хвостомъ загнутымъ немного книзу, безъ бѣлыхъ полосъ на крыльяхъ (по виду, слѣдовательно, сходенъ съ кавказскимъ). Стайки, штукъ по 12 — 15, бываютъ видны и теперь каждую осень и зиму. Стрѣляютъ ихъ случайно, потому что онъ, по мнѣнію казаковъ, не стоитъ выстрѣла, который они находятъ выгоднѣе приберегать для болѣе цѣнной дичи--фазана.

Снова на слѣдующее утро пустившись на поиски, я былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ были убиты два тетерева Владимірскимъ казакомъ; ходилъ въ окрестности станицы, по горамъ, на которыхъ былъ мелкій кустарникъ, но тетеревей не видалъ. Къ вечеру-же я долженъ былъ вернуться обратно въ Лабинскую, такъ какъ возчикъ, привезшій меня въ Засовскую станицу, не могъ здѣсь долѣе оставаться.

Изъ Лабинской я отправился въ Владимірскую станицу, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, видѣли въ открытой степи стайку тетеревей въ 15 штукъ на озимяхъ. Но и здѣсь прошлялся я цѣлый день и ни одного тетерева не видалъ. Я думалъ уже отправиться въ Псебайскую или Царскую станицу, но снова услыхалъ, что видали тетеревей за Владимірской, только не тамъ, гдѣ я цѣлый день ихъ искалъ, а вправо оттуда, на такъ называемой Арженовкѣ, по направленію къ станицѣ Засовской. Однако я и тамъ проискалъ до изнеможенія цѣлыхъ два дня, а тетеревей опять-таки не видалъ, хотя многіе встрѣчавшіеся мнѣ тамъ люди утверждали, что тетеревей въ степи видятъ довольно часто. Тогда я рѣшилъ, что хотя тетерева въ степи и встрѣчаются, но по обширности

КАВКАЗСКІЕ ТЕТЕРЕВА.

Кубанской степи, громадное пространство которой нельзя окинуть глазомъ, ихъ можно найти только благодаря счастливой случайности.

Итакъ, пробывъ въ Кубанской области болѣе трехъ недѣль и не добывъ ни одного тетерева, я долженъ былъ ѣхать немедленно въ Москву, съ величайшимъ сожалѣніемъ о томъ, что мнѣ не удалось разрѣшить крайне интересный вопросъ—какой тетеревъ водится, осенью и зимой, въ Кубанскихъ степяхъ.

Если допустить, что это кавказскій горный тетеревъ, то почему этотъ видъ, въ Кубанской области, на зиму спускается съ горъ, между тѣмъ какъ всѣ, кто наблюдалъ его, положительно утверждаютъ, что въ другихъ мѣстностяхъ онъ живетъ высоко въ горахъ, круглый годъ. Допустить-же, что это обыкновенный тетеревъ (Tetr. tetrix) положительно нельзя, такъ какъ, по сообщеніямъ охотниковъ, которымъ приходилось убивать этихъ тетеревей, они довольно смирны, легко подпускаютъ на разстояніе выстрѣла, даже въ такихъ открытыхъ мѣстахъ, какъ степь, что, какъ извѣстно, невозможно у обыкновеннаго тетерева, осенью и зимой.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Москву, Н. А. Сѣверцовъ сообщилъ мнѣ адресъ одного помѣщика Воронежской губерніи, г. Стрижевскаго, который, въ свою бытность въ Кубанской области, стрѣлялъ осенью тетеревей. Я взялъ на себя смѣлость обратиться къ незнакомому мнѣ г. Стрижевскому съ просьбой, сообщить мнѣ точно то мѣсто, гдѣ онъ охотился на тетеревей, и онъ былъ весьма любезенъ, сообщивъ мнѣ слѣдующее:

«Я дѣйствительно охотился въ Кубанской области, преимущественно за фазанами, съ легавой собакой, но также находилъ въ небольшомъ количествѣ и тетеревей. Это было въ 1875 г., въ половинѣ октября. Я находилъ ихъ въ бурьянахъ, вмѣстѣ съ фазанами, большею частью по берегамъ горныхъ рѣчекъ, а именно по берегамъ рѣчки Уль и Бѣлой. Они держались тамъ въ совершенно открытой мѣстности, въ степяхъ, заросшихъ бурьянами. По словамъ мѣстныхъ жителей—черкесовъ—, тетеревей можно найти въ большомъ количествѣ ближе къ горамъ, верстахъ въ 30 или 40 отъ той мѣстности, гдѣ я охотился, также въ степяхъ, въ открытой мѣстности, по берегамъ рѣчекъ».—Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе какъ попасть въ ту мѣстность, находящуюся въ 12 верстахъ отъ Кукуринскаго аула, имѣнія, бывшаго Молоцкаго, нынѣ Афросимовой.

Будь у меня эти свѣдѣнія до моего отъѣзда на Кавказъ, я, по всей вѣроятности, добылъ-бы въ степи тетеревей, тѣмъ болѣе, что вышеуказанная мѣстность отстоитъ отъ Лабинской станицы въ какихъ-нибудь 40 верстахъ.

Въ концѣ апрѣля текущаго года я отправился вторично на Кавказъ, твердо рѣшившись, во что бы то ни стало, добыть коллекцію тетеревей и прослѣдить ихъ такъ. На этотъ разъ я ѣхалъ уже по строго намѣчен-

ному плану, именно въ Терскую область, въ Кисловодскъ, чтобы оттуда дѣлать экскурсіи на Бермамытъ, находящійся отъ Кисловодска въ 40 верстахъ. По прибытіи въ Кисловодскъ, я немедленно обратился къ охотникамъ-промышленникамъ и началъ наводить справки о горномъ тетеревѣ. Оказалось, что осенью и зимой, охотясь за лисами, промышленники встрѣчаютъ тетеревей довольно часто, даже недалеко отъ Кисловодска, напр., въ верховьяхъ р. Берцовой, въ мелкихъ кустарникахъ, однако на довольно значительной высотѣ, по косогорамъ, — и на Кичъ-Малкѣ, въ 25 верстахъ; иногда-же тетерева залетаютъ довольно близко, въ значительномъ количествѣ, на Джинальскія высоты, но держатся исключительно по крутымъ косогорамъ. Что же касается ихъ мѣстонахожденія весной— никто мнѣ этого сказать не могъ, такъ какъ весной тамъ никто не охотится.

Одинъ охотникъ, Федоръ Клочковъ, предложилъ мнѣ отправиться къ Бермамыту, въ Гришкину балку, на такъ называемую Батарею, гдѣ, по его словамъ, тетерева должны быть и весной, такъ какъ онъ ихъ тамъ стрѣлялъ въ августѣ и довольно часто видалъ зимой. Я, конечно, на это охотно согласился, нанялъ пару лошадей, въ простой телѣгѣ (такъ какъ кормъ для лошадей нужно было брать съ собой, потому что въ горахъ еще много было снѣга и подножнаго корма тамъ не было) и 6 мая, утромъ въ шесть часовъ, мы выѣхали вчетверомъ: я, два охотника, да возчикъ.

Ѣзда была довольно трудная: дорога шла все въ гору и ѣхать можно было только шагомъ. Вначалѣ показалось довольно много птицъ: орлы, сарычи, альпійскія вороны (Fregilus graculus), скалистые голуби (Columba livia), скворцы, ласточки, и друг., но когда мы отъѣхали верстъ 15, птицъ стало очень мало, встрѣчались только чеканы (Saxicola oenanthe) горныя горихвостки (Ruticilla ochrurus и R. phoenicuroides), бѣлобрюхій стрижъ (Cypselus melba); когда-же мы отъѣхали еще верстъ десять, близъ Бѣлаго родника стали встрѣчаться горные рогатые жаворонки (Otocoris penicillatus) и водяная щеврица (Anthus aquaticus); стали также показываться ягнятники (Gypaetos barbatus). Мѣстами лежало изрядное количество снѣга, и тутъ же, почти изъ подъ самаго снѣга, выглядывали прелестные альпійскіе цвѣтки, на очень низкихъ стебляхъ, но очень красивые. Въ воздухѣ носились массы майскихъ жуковъ. На солнцѣ было нестерпимо жарко—солнце положительно жгло,—но при малѣйшемъ вѣтеркѣ чувствовался холодъ.

Сдѣлавъ полуторачасовую остановку для кормежки лошадей, мы тронулись дальше. Мѣстность дѣлалась все болѣе и болѣе дикой и пустынной; птицъ вовсе встрѣчалось, за исключеніемъ одной обыкновенной вороны, которая сидѣла на скалѣ и повидимому очень была удивлена, видя здѣсь людей въ такое время года. Снѣгу стало больше и въ воздухѣ сдѣлалось много свѣжѣе; наконецъ лошадямъ стало легче: до-

рога пошла поровнѣе, когда-же мы стали приближаться къ мѣсту назначенія, то она стала немного спускаться подъ гору.

Подъѣхавъ къ Гришкиной балкѣ, или ущелью, мы немного спустились въ нее. Въ этомъ ущельѣ, у протекающей здѣсь маленькой рѣчки, притока Ешкакана, мы устроили, возлѣ отвѣсной скалы, нашу стоянку. Вблизи нашей стоянки былъ очень мелкій кустарникъ, въ которомъ я замѣтилъ нѣкоторыхъ птицъ. Здѣсь были пѣночки (очень близкій видъ къ Phylloscopus Middendorfii), а по скаламъ, гдѣ тоже были кустики, бѣлогрудые дрозды (Merula torquata) и горныя горихвостки. По рѣчкѣ порхали горныя плиски (Motacilla sulphurea) и оляпки (Cinclus albicollis).

На другой день, позднимъ утромъ, я убилъ тутъ соловья (Lusciola infuscata Severz), водяную щеврицу и сорокопута (Lanius collurio). Къ вечеру пошелъ мелкій дождь, такъ что въ перспективѣ для насъ предвидѣлось удовольствіе провести ночь подъ открытымъ небомъ и промокнуть до нитки. Однако, когда стемнѣло, дождь прекратился, зато подулъ рѣзкій и холодный вѣтеръ, что тоже не очень мнѣ было пріятно: не ожидая такой холодной погоды на Кавказѣ, я не взялъ достаточно теплой одежды, и за эту оплошность былъ наказанъ, жестоко прозябнувъ. Несмотря на то, что я накрытъ былъ буркой, я во всю ночь не могъ заснуть ни на одну минуту отъ холода, отъ непривычки проводить ночи въ горахъ подъ открытымъ небомъ, и наконецъ отъ сильнаго шума и рева крошечной рѣченки, которую вездѣ можно было легко перепрыгнуть. Мои спутники спали богатырскимъ сномъ, и своимъ могучимъ храпомъ еще болѣе разгоняли сонъ.

Въ полчаса второго я разбудилъ ихъ и напившись чаю, мы отправились по лѣвой сторонѣ ущелья, къ Батареѣ, гдѣ должны были, согласно указаніямъ, найти тетеревей. Прошедши небольшое разстояніе вдоль рѣчки, мы вступили въ порядочный березовый лѣсокъ, гдѣ было много птицъ: кавказскія сойки (Garrulus Krynickii) (отъ этой нашелъ я гнѣзда, *уже съ молодыми*), *дроздовидная камышевка* (*Acrocephalus turdoites*), лѣсныя щеврицы (Anthus arboreus), поющія несравненно хуже, чѣмъ у насъ, что я впрочемъ замѣтилъ у многихъ кавказскихъ птицъ, скалистый стрижокъ (Cotyle rupestris) скалистые голуби и альпійская ворона, пѣночки, бѣлогрудые дрозды и пр.

Такъ шли мы съ полверсты, а затѣмъ стали подниматься, по лѣвой сторонѣ ущелья, все выше и наконецъ достигли границы лѣсовъ, гдѣ нашли нѣсколько черныхъ тетеревиныхъ перьевъ,—ясное доказательство присутствія тетеревей. Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ отъ этого мѣста, я замѣтилъ на самой вершинѣ ущелья черную неподвижную точку; внимательно разсматривая ее въ бинокль, я различилъ, что это была черная птица, но опредѣлить какая именно не было возможности, такъ какъ птица сидѣла на страшной вышинѣ. Нѣсколько времени спустя, птица начала спускаться по косогору внизъ, почти прямо на насъ, и тутъ уже я могъ въ бинокль ясно разсмотрѣть, что это тетеревъ.

Надо мной, шагахъ въ пятидесяти, на страшномъ косогорѣ, лежалъ большой камень, къ которому я и полѣзъ, старательно за нимъ прячась отъ птицы. Добравшись до камня, я сталъ свободнѣе наблюдать за движеніями тетерева. Тутъ ужъ, даже безъ помощи бинокля, я могъ хорошо разглядѣть тетерева, который порядочно спустился и токовалъ.

Я напрягалъ свой слухъ, чтобы услыхать какой либо звукъ, издаваемый при токованіи, но ничего не слыхалъ; только когда тетеревъ взлетывалъ, на подобіе обыкновеннаго токующаго тетерева, то довольно сильно хлопалъ крыльями и въ тоже время издавалъ довольно слабый писк, подобный тому, который издаетъ ястребъ (Astur palumbarius), когда его возьмешь за крыло, приблизительно такъ: циръ-циръ-циръ!

Взлеталъ онъ весьма низко,—не выше аршина, слѣдовательно ниже обыкновеннаго тетерева.

При токованіи, онъ себя держалъ совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенный тетеревъ: хвостъ поднималъ кверху, но не такъ круто, и ничуть его не распускалъ вѣеромъ, а держалъ его сложеннымъ. Голову онъ очень много откидывалъ назадъ, шею очень сильно втягивалъ, вслѣдствіе чего зобъ его казался очень надутымъ. Крылья опускалъ внизъ, а бѣлое пятно подъ мышками сильно выступало. Брови у него не надувались, какъ у нашего тетерева, и не дѣлались выпуклыми, а оставались плоскими, но значительно возвышались, въ видѣ гребешковъ, точь въ точь какъ весной у бѣлой куропатки, но конечно больше. Цвѣтъ бровей далеко не такъ ярокъ какъ у нашего тетерева, и скорѣе съ оранжевымъ, нежели съ пунцовымъ оттѣнкомъ. Во время тока, когда онъ двигался, то дѣлалъ это бокомъ, и далеко не проявлялъ той ярости, какую мы видимъ у нашего тетерева.

Сначала я самку не разглядѣлъ, потому что все мѣсто это покрыто сѣроватыми камнями и обветшалой травой; но когда я сталъ внимательно разсматривать въ бинокль, то увидалъ и ее. Когда самка останавливалась, самецъ тоже прекращалъ свои движенія и, сохраняя токующую позу, стоялъ неподвижно, но какъ скоро самка начинала ходить, онъ подвигался тоже, довольно медленно, бокомъ, не мѣняя позы; но такъ какъ самка шла довольно быстро, то онъ взлетывалъ и издавалъ вышеупомянутый писк.

Одинъ изъ охотниковъ, скрываясь за камнями, успѣлъ подойти къ токовавшему тетереву на разстояніе ружейнаго выстрѣла, но вовсе не замѣтилъ самки, которая всегда осторожнѣе самца; желая подвинуться еще ближе, онъ спугнулъ самку, та сорвалась, а за ней и самецъ. Во время полета пѣтуха слышенъ былъ свистъ отъ крыльевъ, которыя у этого тетерева чрезвычайно коротки.

Немного спустя, на это самое мѣсто явилась снова парочка, по-видимому другая, потому что прилетѣла со стороны, противоположной той, куда скрылась первая пара. Этотъ самецъ токовалъ также молча, какъ и первый, не издавая иного звука, кромѣ писка во время вспар-

хиванія. Я удивляюсь, почему Нордманъ, упоминая о присутствіи тетерева въ горахъ Гуріи, говоритъ «что онъ слышалъ его особенный крикъ, родъ особаго пѣвучаго бормотанія, какой птица издаетъ во время спариванія», *) между тѣмъ какъ, по моимъ наблюденіямъ, которымъ я посвятилъ четыре дня, оказывается, что тетеревъ, во время тока, кромѣ слабаго писка, никакого звука не издаетъ.

Второй тетеревъ былъ охотникомъ убитъ, или вѣрнѣе—подстрѣленъ въ крыло, и поданъ мнѣ еще живымъ. Я его тщательно разсмотрѣлъ, въ особенности его брови, которыя были очень плоски, но верхняя часть ихъ имѣла видъ гребешка, высоко поднята; цвѣтъ пунцовый, съ оранжевымъ оттѣнкомъ.

Хотя кавказскій тетеревъ не имѣетъ того рѣзкаго металлическаго блеска на спинѣ и шеѣ, какъ нашъ тетеревъ, но онъ все таки очень красивъ: онъ совершенно бархатистаго чернаго цвѣта, причемъ шея и нижняя часть спины имѣютъ слабый зеленоватый отливъ; только подмышечныя перья—чисто-бѣлыя. Хвостъ у него длинный, не лирообразный, какъ у нашего, а концы перьевъ загнуты книзу, и каждое перо заострено; опахало перьевъ немного загнуто кверху. Подбой хвоста черный, ноги чернобураго цвѣта.

Ногти, отъ постояннаго пребыванія тетерева на камняхъ, чрезвычайно тупы.

Въ то время, когда я разглядывалъ тетерева, другой охотникъ наткнулся на самый центръ тока и убилъ тоже пѣтуха. Я отправился немедленно туда и увидалъ около пятнадцати самцевъ, также на крутомъ косогорѣ. Разсматривая въ бинокль мѣсто токовища, я замѣтилъ еще около десятка какихъ-то темно-сѣрыхъ тетеревей, суетившихся между черными и даже вступавшихъ съ ними въ продолжительный бой. Самокъ, хотя ихъ тамъ было тоже довольно много, трудно было разглядѣть.

Нѣкоторые пѣтухи дрались между собой, такъ-же, какъ обыкновен. тетерева: они поднимали хвостъ, опускали крылья и вступали въ бой, и порядкомъ-таки пощелкивали другъ друга: у большинства пѣтуховъ, которыхъ мы потомъ убили, шея и горло были сильно ощипаны.

Не имѣя привычки ходить и лазить по крутизнамъ, подобнымъ той, на которой былъ тетеревиный токъ, я не могъ и стрѣлять тетеревей и предоставилъ это охотникамъ, большимъ мастерамъ въ дѣлѣ хожденія по горамъ и крутизнамъ, самъ-же продолжалъ свои наблюденія надъ токомъ. Одинъ охотникъ забрался выше токовища и сталъ подходить къ тетеревамъ, скрываясь за камнями. Другой-же спустился внизъ и сталъ подползать къ нимъ. Тутъ я имѣлъ случай заключить какъ глупъ и смиренъ, въ сравненіи съ нашимъ тетеревомъ, тетеревъ кавказскій. Конечно, это весьма просто объяснить: горнаго тетерева очень рѣдко тре-

*) Птицы Кавказа М. Богданова, стр. 130.

вожатъ. По словамъ провожавшихъ меня охотниковъ — осенью и зимой, тетерева еще много смирнѣй. Но и тутъ охотники подходили къ нимъ безъ всякаго прикрытія на семьдесятъ пять шаговъ, и уже только съ этого разстоянія начинали укрываться за камни и незначительныя возвышенности или углубленія, и легко подходили на тридцать, на сорокъ шаговъ. Въ случаѣ промаха, тетеревъ по большей части не слетаетъ, и охотникъ спокойно можетъ стрѣлять вторично. Одинъ разъ случилось такъ, что охотникъ, выстрѣливъ въ токующаго цѣтуха два раза, оба раза промахнулся и, успѣвъ зарядить ружье, выстрѣлилъ въ третій разъ, но промахнулся и тутъ, и тогда только тетеревъ снялся.

Охотники стараются какъ можно ближе подползти къ тетереву, потому что ружья у нихъ бьютъ скверно: дальше сорока шаговъ рѣдко убиваютъ птицу. Въ описываемое утро было убито только три тетерева, благодаря дурнымъ ружьямъ охотниковъ. Большинство тетеревей летѣли на меня, но или слишкомъ высоко, или низко подо мной, такъ что мнѣ ни разу не пришлось стрѣлять. Садились-же они на утесы, почти на самой вершинѣ косогора; внизъ же, въ кустарникъ, не спускался ни одинъ.

На камнѣ, съ котораго я наблюдалъ за токомъ, меня съ одной стороны невыносимо палило солнце, съ другой-же дулъ слабый вѣтерокъ, отъ котораго я чувствовалъ холодъ. Отъ солнца, лицо и руки у меня покрылись волдырями, и только по возвращеніи въ Кисловодскъ, когда я ежедневно мазалъ обожженныя мѣста глицериномъ, боль утихла и волдыри исчезли; но стоило мнѣ попасть подъ лучи солнца, хотя бы и на непродолжительное время, — какъ волдыри вскакивали снова и боль возвращалась. Глицеринъ, впрочемъ, скоро исправлялъ дѣло.

Когда, наконецъ, всѣ тетерева были распуганы, я отправился обратно къ нашей стоянкѣ. Ужъ и много-же муки пришлось мнѣ испытать тутъ при подъемѣ по ущелью кверху, подъ палящими лучами солнца!... Невыносимыя страданія!...У насъ въ центрѣ Россіи, правда, бываютъ жаркіе дни, и мнѣ часто приходилось, и лѣтомъ, и осенью, охотиться по цѣлому дню, но такой усталости, до изнеможенія, я никогда не испытавалъ, несмотря на то, что по ущелью прошелъ только какихъ нибудь 2—3 версты. Не знаю ужъ какъ я доплелся до стоянки: когда я подходилъ къ ней, то уже совершенно выбился изъ силъ. Охотники воротились около второго часу пополудни. Они ничего больше не убили, хотя на вершинѣ ущелья, гдѣ тетерева размѣстились, имъ опять пришлось много стрѣлять.

Въ этотъ же день, вечеромъ послѣ пяти часовъ, мы отправились къ мѣсту токовища, но я запретилъ охотникамъ стрѣлять собравшихся тетеревей, чтобы не слишкомъ часто пугать ихъ, и весь вечеръ употребилъ на наблюденія. Вечеромъ они тоже токовали, но какъ-то нехотя; также вступали въ драку. Когда мы пришли на токъ, было около шести часовъ, и тетерева уже были на мѣстѣ, и когда стало темно, они всѣ остались тамъ-же и вѣроятно проводятъ здѣсь и ночь.—На слѣдующій

день мы отправились на токъ, когда еще было темно, но можно уже было различать предметы. Тетерева уже токовали. Вскорѣ охотники убили пару самцевъ, да ко мнѣ подлетѣлъ какой-то темносѣрый тетеревъ и сѣлъ на камень не далѣе пятидесяти шаговъ. Онъ стоялъ, вытянувшись неподвижно. Я сначала не хотѣлъ его стрѣлять, но увидавъ его странную окраску, убилъ. Когда я сталъ его подробно разсматривать, то принялъ за пѣтухоперую самку, потому что опереніе напоминало нѣкоторыхъ особей обыкновенной пѣтухоперой тетерки. Когда же я этотъ экземпляръ впослѣдствіи, по возвращеніи въ Кисловодскъ, препарировалъ, то убѣдился въ ошибочности своего предположенія: этотъ, а также и другіе экземпляры, убитые охотниками и такъ-же окрашенные, оказались молодыми пѣтухами. Молодой кавказскій тетеревъ, весь, довольно темнаго сѣраго цвѣта; только кроющія крылья и хвостовыя перья имѣютъ рыжеватый оттѣнокъ. Горло бѣловатое, съ черноватыми мелкими точками. У большинства мною добытыхъ молодыхъ самцовъ, въ хвостѣ, но только съ одной стороны, по два крайнихъ пера окрашены въ черный цвѣтъ, длиннѣе остальныхъ и немного загнуты книзу, чѣмъ напоминаютъ хвостовыя перья стараго самца. Соотвѣтственно той сторонѣ, гдѣ имѣются въ хвостѣ черныя перья, такія-же черныя перья имѣются на боку. Брюхо черноватое. Ноги свѣтло-бурыя, такого-же цвѣта маховыя перья. Брови развиты порядочно, не меньше чѣмъ у старыхъ, но цвѣтомъ блѣднѣе. Половые органы много менѣе развиты, чѣмъ у стариковъ. У самокъ есть тоже возрастное различіе: старая самка больше, хвостъ у ней на $^1/_2$ дюйма длиннѣй. *Опереніемъ старая самка очень похожа на* обыкновенную тетерку, только у нея на спинѣ пятна крупнѣе и не составляютъ поперечныхъ полосъ, какъ у обыкновенной. Молодая самка весьма похожа на обыкновенную тетерку въ Августѣ, въ переходномъ перѣ: она вся въ мелкихъ поперечныхъ полоскахъ. У старой самки хвостъ съ выемкой, у молодой кругообразный, такъ какъ крайнія рулевыя короче среднихъ.

Странно, что ни одинъ наблюдатель кавказскаго тетерева, даже и самъ г. Тачановскій, открывшій этотъ видъ, не упоминаютъ, что молодой горный тетеревъ на первомъ году—не черный, а сѣрый.

Во всю охоту, продолжавшуюся четыре дня, убито 14 штукъ: 7 старыхъ и 5 молодыхъ пѣтуховъ, да двѣ самки, старая и молодая, у которыхъ по вскрытіи оказались полуразвитыя яйца. У одного стараго самца было по одному перу на крыльяхъ и одно на груди, сѣрѣе, чѣмъ у молодого пѣтуха, да и хвостъ у этого экземпляра былъ менѣе загнутъ, чѣмъ у другихъ.

Итакъ, изъ наблюденій моихъ надъ кавказскимъ тетеревомъ, я вывожу такое заключеніе, что онъ, кромѣ своей окраски, отличается отъ обыкновеннаго тетерева еще тѣмъ, что, во-первыхъ,—токуетъ почти молча, во-вторыхъ,—принимаетъ при токованіе другую позу, и въ-третьихъ, что молодые самцы на первомъ году окрашены въ сѣрый цвѣтъ, а не въ

черный. По моему мнѣнію, отъ истребленія этотъ тетеревъ, такъ сказать, застрахованъ, благодаря неприступности мѣстъ, обитаемыхъ имъ. По словамъ мѣстныхъ охотниковъ, тетеревъ постоянно держится на крутыхъ косогорахъ, и промышленники его бьютъ только случайно, когда охотятся на горныхъ индѣекъ и курочекъ (Perdix chuk), во время лѣчебныхъ курсовъ, когда бываетъ спросъ на дичь.

Ф. Лоренцъ.

Москва.
22 Іюня 1884 г.